Глава вторая. Положение

Сяхоу Сюань вышел из спальни, и две преданные служанки, ждавшие у входа, тут же поспешили к нему. Вместе они пересекли боковую галерею и направились в главный зал дворца Фэнъи.

Во дворе за дверями зала аккуратно выстроились в два ряда двадцать евнухов и служанок. Стоило Сяхоу Сюаню ступить за порог, как вся эта процессия дружно опустилась на колени; а когда он полностью вышел наружу, они все разом, с сухим шорохом, выпрямились во весь рост. Не говоря ни слова, Сяхоу Сюань направился прямо со двора, а слуги синхронным шагом последовательно двинулись следом, автоматически разделившись на два отряда. Первый отряд шел впереди, расчищая путь, второй замыкал шествие, охраняя Великую принцессу и двух старших служанок в самом центре.

Небо только начинало сереть, и на его краю еще тускло мерцала утренняя звезда. Утренний туман в Императорском саду еще не рассеялся, вокруг царила тишина. Процессия Сяхоу Сюаня тоже продвигалась безмолвно: никто не говорил лишних слов и не совершал лишних движений, напоминая отлично обученный маленький военный отряд.

Всякий во дворце знал, что Великая принцесса, хозяйка дворца Фэнъи, обожает муштровать прислугу словно солдат. По этой причине Его Величество Император некогда шутливо назвал свою любимицу генералом в юбке и даже пожаловал принцессе для забавы парадный меч маршала прошлой династии.

Сяхоу Сюань, разумеется, делал это намеренно. Он никогда не скупился на демонстрацию своего воинственного пыла перед чужими людьми, желая, чтобы все знали: его страсть — боевые искусства, оружие и конное поло, а к женскому рукоделию он не питает ни малейшего интереса!

У столь высочайшей особы, как Великая принцесса, имелся полный капитал для подобных капризов. Вместо того чтобы принуждать себя изображать жеманницу, было куда лучше казаться дерзким и размашистым: если вдруг где-то проявится изъян, всегда проще найти оправдание. Сяхоу Сюань превосходно выдерживал грань, вызывая у окружающих лишь восхищение своей удалью и лихостью, и никому бы и в голову не пришло заподозрить в нем мужчину. Если только не появятся неопровержимые доказательства, способные разрушить внушенные людям представления, то чем непринужденнее он себя вел, тем надежнее прятал собственную тайну. Если же день напролет дрожать и прятаться, являя миру виноватый и робкий вид, вот тогда-то как раз и возникнут подозрения.

Впрочем, Сяхоу Сюань отваживался на такое еще и потому, что обладал поразительной внешностью, одинаково гармоничной как для мужчины, так и для женщины, а нравы в династии Великая Вэй царили свободные — за всю историю здесь успели побывать самые разные принцессы с яркими характерами, так что его поведение вовсе не было чем-то из ряда вон выходящим.

Говоря о попадании Сяхоу Сюаня в этот мир, нельзя не признать, что оно доставило ему немало хлопот, однако удача отвернулась от него не до конца. Больше всего его радовало то, что статус женщин в династии Великая Вэй вовсе не был низким, в чем-то напоминая эпоху Северная Сун из его воспоминаний. И хотя при дворе и среди ученых мужей уже забрезжили ростки возрождения неоконфуцианства, подавляющее большинство мужчин по-прежнему относилось к своим матерям, женам и дочерям с почтением и любовью. Такая внешняя среда предоставляла Великой принцессе Сяхоу Сюаню широчайшее поле для деятельности, поэтому его настрой оставался неизменно бодрым и позитивным. Он не позволил себе раскиснуть и растратить годы впустую из-за заточения в стенах внутренней гарема, длившегося целое десятилетие.

С самого дня побега из охваченного пламенем дворца Сяхоу Сюань собрал всю волю в кулак и задействовал все затаенные таланты, чтобы вжиться в роль этой необычной принцессы. Шло время, и он чувствовал себя во внутренних покоях все более уверенно и свободно: выведывал новости, собирал информацию, учился, закалял тело, выращивал верных людей, накапливал силы, подыскивал покровителей и заводил союзников. Жизнь текла настолько насыщенно, что казалось, будто минул всего лишь миг, а прошло уже десять лет.

Мое дитя выросло, пришло время подыскать достойного зятя. — Так изволил выразиться некоторое время назад отец Сяхоу Сюаня в этой жизни, император Великой Вэй Сяхоу Фань.

Рано или поздно принцесса должна выйти замуж — от этой участи не уйти, и Сяхоу Сюань прекрасно это понимал, а потому загодя начал готовить план действий, не испытывая никакого отторжения, когда час настал. Куда больше его волновало, удастся ли повернуть все дело в соответствии с его собственными замыслами. Даже при относительно свободных нравах Великой Вэй принцесса вроде Сяхоу Сюаня могла прогуливаться по Столице в мужском наряде, но вопросы брака все равно оставались скованы железными оковами родительской воли. Усмирить мать с отцом, самолично выбрать кандидатуру в мужья и тем самым взять под контроль вектор собственной жизни на ближайшие несколько десятилетий — вот к чему Сяхоу Сюань прикладывал больше всего усилий в последние годы и что считал своей важнейшей целью.

Какими же людьми являлись родители Сяхоу Сюаня в этой жизни? Рассказ об этом предстоял долгий, ведь оба они были далеко не простыми людьми. Лишь потратив годы на сбор сведений, пристальное наблюдение, а также строгий анализ и дедукцию, Сяхоу Сюань наконец обрел способность достаточно точно предугадывать образ их мышления и до определенной степени направлять их мысли в нужное русло.

Начать стоило с августейшего отца Сяхоу Сюаня, императора Вэй Сяхоу Фаня. Как правитель он подходил на свою роль не слишком хорошо: в свое время он взошел на престол в спешке, будучи насильно вытолкнут на передовую, не пройдя никакой предварительной подготовки и не получив наставлений на будущее. В вопросах управления государством он испытывал острую нехватку навыков, из-за чего в глубине души носил глубокое чувство неполноценности. Даже спустя два десятка лет правления он по-прежнему чувствовал себя неуверенно, легко срывался, когда кто-то задевал его за живое, и министры считали его вспыльчивым, раздражительным и тяжелым в общении государем.

Причина такого поведения кроилась в прошлом: до него трон занимал его двоюродный брат Сяхоу Юй. Будучи единственным сыном императора Вэй Сяоцзуна и дяди Сяхоу Фаня, Сяхоу Юй изначально должен был стать истинным баловнем судьбы, однако неожиданно скончался менее чем через три года после восшествия на престол, не оставив после себя ни сыновей, ни дочерей. Так он безоговорочно уступил титул баловня судьбы своему кузену Сяхоу Фаню. В одно мгновение Сяхоу Сюань… то есть Сяхоу Фань из захудалого удельного князя взлетел на вершину власти.

Поначалу, став императором, Сяхоу Фань, разумеется, испытывал дикий восторг и возбуждение: кто же не любит свалившиеся с неба блага, особенно если они настолько велики и сладки?

Однако очень скоро он понял, что все далеко не так просто. Обретение тронного сана вовсе не означало, что все чиновники горят желанием ему подчиняться. Более того, даже старые, привыкшие кичиться опытом дворцовые слуги втайне морщились от его провинциального акцента и безвкусных привычек. Это доводило Сяхоу Фаня до белого каления и жгучего стыда!

В первый год правления под девизом Чэнпин новоиспеченный император казнил больше половины старого штата дворца, самыми простыми и грубыми методами защищая свое императорское достоинство. Поступать так было легко и приятно, но вскоре после этого сановники наградили нового монарха клеймом тирана, а мемориалы с упреками и предостережениями посыпались на него сплошным потоком, словно снежная буря.

Раздраженный нападками цензоров, Сяхоу Фань внезапно преисполнился безумной идеи: он решил посмертно возвести своего биологического отца в императорский сан, а мать — в императрицы, надеясь таким образом отвлечь внимание подданных. Разумеется, это был отвратительный план: он не только не избавил монарха от докучливых посланий, но и окончательно вывел из себя старых вельмож, оставшихся еще со времен Сяоцзуна. Ведь Сяхоу Фань в свое время наследовал трон на правах приемного сына своего дяди императора Вэй Сяоцзуна! Где это видано — задним числом жаловать императорские титулы родным отцу с матерью? Куда в таком случае прикажете девать покойного императора Сяоцзуна и императрицу?

Тогда сановники развязали против Сяхоу Фаня ожесточенное и затяжное противостояние, длившееся несколько лет. Оно привело к тому, что множество чиновников угодило под суд, а сам престол Сяхоу Фаня зашатался под улюлюканье столичных конфуцианских ученых и едва не рухнул.

Лишь на шестой год правления Чэнпин, когда Сяхоу Сюань и его брат-близнец Сяхоу Чжо появились на свет под знаком Дракона и Феникса, предвещавшим великое благополучие, Сяхоу Фань и придворные сделали каждый по шагу назад, и ропот оппозиции постепенно утих. Разумеется, заслуги братьев в этом не было: в конечном счете, Сяхоу Фань удержался на троне благодаря поддержке преданных союзников и оппортунистов. Доброе знамение о двойняшках стало лишь последним штрихом — правители извечно пользовались указами небес, и даже не будь близнецов, нашлись бы бронзовые статуи с надписями на панцирях черепах или белоснежные цилини, призванные украсить момент.

Как бы то ни было, братья родились в удачное время, что значительно облегчило Сяхоу Сюаню задачу пристраиваться к сильным мира сего.

Но с другой стороны, не стоило забывать, что рождение Сяхоу Сюаня и Сяхоу Чжо ознаменовалось зловещим предзнаменованием смуты двух драконов. Спасти обоим жизни и обратить дурное знамение в благое они смогли лишь благодаря тому, что обладали матерью несгибаемой воли и дерзости, ни в чем не уступающей мужчинам — благородной супругой Жуй из клана Цзи.

Говоря о благородной супруге Цзи, нельзя не упомянуть остальных обитательниц гарема императора Вэй Сяхоу Фаня.

Когда Сяхоу Фань брал жену, правила эпоха Сяоцзуна. Его собственный отец-князь был еще жив, а сам он числился лишь сыном удельного князя без чинов и титулов, которому в будущем, возможно, предстояло получить удел с понижением ранга. Поэтому его законная супруга Вэй происходила из семьи скромного инспектора шестого низшего ранга: она была дочерью простолюдинов и не знала ни единого иероглифа.

Позже, когда Сяхоу Фань взлетел до небес, госпожа Вэй вполне закономерно стала императрицей. Однако нетрудно догадаться, что женщина, не имеющая за спиной влиятельной родни, испытывала еще больше тревоги, чем сам Сяхоу Фань. Император мог взять в жены дочерей могущественных сановников для укрепления трона, а что оставалось делать госпоже Вэй? Хотя ее старший брат, бывший деревенский ополченец, за исключительные заслуги был возведен в чин командира императорской стражи второго низшего ранга и командовал половиной дворцовых войск, корни и влияние клана Вэй при дворе оставались исчезающе малыми. Их невозможно было ставить на один уровень с оплотами аристократических кланов Столицы, чьи дочери потекли в гарем после первого года Чэнпин.

В тех условиях, отчасти из-за душевного уныния, отчасти из-за дворцовой грызни, императрица Вэй на третьем году правления Чэнпин скоропостижно скончалась. Быть может, в глубине души она предпочла бы, чтобы муж оставался бесправным князем, а не восходил на трон девяти пядей.

После того как паланкин императрицы Вэй отправился на небеса, самой могущественной и влиятельной женщиной во внутреннем гареме стала благородная супруга Сюй — дочь трехэпохного канцлера Сюй Фена. Начиная с третьего года Чэнпин и по сей день, вот уже девятнадцать лет, госпожа Сюй бессменно занимала пост благородной супруги, держа в руках бразды правления всем гаремом, и ее положение казалось незыблемым.

Второй же фигурой в гареме после благородной супруги Сюй являлась мать Сяхоу Сюаня — благородная супруга Жуй из клана Цзи.

Будучи наложницей императора, она дерзнула совершить тяжкое преступление против монарха, подменив новорожденных мальчиков девочкой. Кто-то мог бы подумать, что благородная супруга Жуй — глупая и безрассудная святоша, но подобное предположение было

бы фатальной ошибкой.

В те дни, когда госпожа Цзи только носила под сердцем Сяхоу Сюаня и его брата, противостояние между Сяхоу Фанем и сановниками достигло наивысшей точки. И громче всех буйствовал, вызывая наибольшее раздражение у Его Величества, старший дядя госпожи Цзи — глава клана Цзи, носящий высший первый ранг великого наставника. И все же, несмотря на такие обстоятельства, госпожа Цзи умудрилась снискать расположение Сяхоу Фаня, благополучно выносить беременность и благополучно разрешиться от бремени. Кто поверит, что она была безмозглой дурой?

С точки зрения Сяхоу Сюаня, по части ума и методов госпожа Цзи определенно не имела равных во всем нынешнем гареме. Он искренне восхищался этой матушкой, но в то же время ее крутой нрав вызывал у него головную боль, ведь их отношения с матерью балансировали на грани между союзниками и врагами…

Не стоило думать, будто в те годы госпожа Цзи решилась на столь безумный риск ради пробуждения материнских чувств. Сяхоу Сюань с самого начала знал, что все не так просто, а дальнейшие расследования и анализ лишь подтвердили: в этой истории не было и следа сентиментальности.

На шестой год правления Чэнпин, когда госпожа Цзи рожала, клан Цзи уже был прижат к ногтю императором и канцлером Сюй так, что не мог вздохнуть, и ее великому дяде-наставнику поневоле пришлось сложить полномочия и вернуться в родные края. Еще хуже было то, что братья и племянники наставника лишились постов из-за обвинений в преступлениях, а отец и родной брат самой госпожи Цзи тоже попали под удар. Не преврати она дурное предзнаменование рождения близнецов-драконов в благоприятный знак рождения двойняшек дракона и феникса, ее ждала бы не просто потеря одного сына — скорее всего, погибли бы все члены семьи разом!

Поэтому госпожа Цзи решительно бросила эту чудовищную ложь, в одиночку переломив ситуацию, когда клан Цзи уже трещал по швам и катился к гибели. Благодаря паре счастливых детишек женского пола и мягкой дипломатии она не только поднялась из ранга чаои до благородной супруги Жуй, но и помогла отцу с братом удержать позиции, сохранить посты и накрепко отгородиться от провинившегося перед императором семейства своего старшего дяди. Пусть влияние клана Цзи сильно уменьшилось, они все же остались в кругу столичной аристократии, корни уцелели, и забрезжила надежда на возрождение.

Возможности госпожи Цзи были видны по одному этому поступку!

Так почему же при всем ее таланте ее родное дитя, истинная Сяхоу Сюань, так жалко погибло в огне, уступив место попаданцу Сяхоу Сюаню? Ответ лежал на поверхности: госпожа Цзи вовсе не собиралась защищать ребенка и оставлять улики в преступлении против императора. Быть может, она даже спланировала многоходовку, убивающую двух зайцев разом: тогдашний пожар в конце концов косвенным образом задел благородную супругу Сюй, причинив ей немалый ущерб. Если бы не Сяхоу Сюань, угодивший сюда и спасший собственную шкуру, благородная супруга Сюй пострадала бы еще сильнее.

Из этого следовало, что укротить госпожу Цзи окажется куда труднее, чем ее августейшего отца. Сяхоу Сюань проявлял к этой умной и очаровательной дочурке изрядную снисходительность, и в вопросах брака Император, если не случится непредвиденного, вполне готов позволить Сяхоу Сюаню проявить самостоятельность.

Что же касается позиции благородной супруги Жуй…

Едва Сяхоу Сюань переступил порог дворца Жуйцин, поприветствовал матушку и отослал посторонних, как между матерью и сыном тотчас вспыхнула искра.

Сяхоу-эр, еще в конце прошлого года я говорила тебе: твой двоюродный брат Яньпин — человек мягкий, благородный и преданный, он станет тебе отличной парой. — На главном месте в главном зале дворца Жуйцин восседала роскошно одетая и накрашенная красавица — сама благородная супруга Жуй. Ее слегка вздернутые фениксовы глаза на семь-восемь частей походили на глаза Сяхоу Сюаня, в каждом ее взгляде таилось непередаваемое очарование. Благодаря безупречной белизне кожи и тщательному уходу она, перешагнув рубеж тридцатилетия, все еще выглядела потрясающе.

Не давая Сяхоу Сюаню вставить и слова, супруга Жуй продолжила: Тогда ты просила дать тебе время на раздумья, и я уступила. Теперь же прошло уже больше полугода, и что ты надумал?

Сяхоу Сюань выпрямился во весь рост посреди зала, спокойно и прямо глядя на мать, и с легкой улыбкой произнес:

— Чистые помыслы матушки дитя твое понимает, но у двоюродного братца Яньпина великое будущее, и я поистине не желаю становиться помехой на его пути. Эту затею лучше оставить и впредь о ней не упоминать.

Шутки в сторону: выйди он замуж за племянника благородной супруги Жуй, не прошло бы и пары лет, как он бы скончался от внезапной болезни или вовсе умер во время родов!

http://bllate.org/book/41949/5360310